

Капустин Семен Яковлевич

Древнее русское поручительство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С30

С30 **Семен Яковлевич К.**
Древнее русское поручительство / Капустин Семен Яковлевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 64 с.

ISBN 978-5-519-88136-4

Сочинение С. Капустина.

ISBN 978-5-519-88136-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нѣйшая въ сравненіи съ вирой въ другихъ случаяхъ убійства^{*)}). И такъ если самая большая вира не предупреждала преступленія, то естественно полагать, что вира менѣе значительная еще менѣе могла достигать цѣли предупрежденія преступленій.

Третье. Взглянемъ внимательно на содержаніе тѣхъ статей Русской Правды, въ которыхъ видимъ вервь обязанною платить виру. Здѣсь намъ бросается въ глаза безпрестанное указаніе на помощь: *«того же дѣла или помогати головнику»*, *«тому людѣ «не помогаютъ»*, *«а отъ верви помочнаго»*, и потому рождается вопросъ: если на общество было наложено общественною властію обязательство предупреждать преступленія, если опредѣлено было извѣстное наказаніе въ видахъ побужденія къ исполненію такого обязательства, то къ чему платежъ обществомъ виры назвать вспомоществованіемъ головнику и тѣмъ какъ — будто дать знать, что вервь вовсе не наказывается, а какъ-бы облегчаетъ только участь ближняго, уплачивая вмѣстѣ съ нимъ виру?

Четвертое. Если будемъ держаться высказаннаго выше воззрѣнія на отвѣтственность общества, то мы ставимъ въ необходимость видѣть въ опредѣленіяхъ Русской Правды относительно платежа вервью виры отсутствіе всякой соразмѣрности, всякой справедливости: въ преступленіи не слишкомъ значительномъ общество несетъ отвѣтственность гораздо бѣльшую, нежели въ преступленіи гораздо важнѣйшемъ, наконецъ въ самомъ высшемъ преступленіи совсѣмъ остается въ сторонѣ: при убійствѣ въ свадѣ или на пиру *«явлено»* вервь платитъ почти всю виру, при убійствѣ не въ свадѣ только половину виры, при убійствѣ въ разбоѣ — *«людѣ не платятъ»*.

Но разсматривая наказанія за всѣ другія преступленія по Русской Правдѣ, даже за самыя маловажныя преступленія, мы видимъ, что она чужда подобныхъ грубѣйшихъ недостатковъ.

Опредѣленіе Русской Правды: *«аже кто не вложится въ дикую виру тому людѣ не помогаютъ, но самъ платитъ»*, сильно потрясаетъ мнѣніе объ отвѣтственности общества платежемъ вирь, какъ о мѣрѣ полицейской, давая знать, что это общество составляется изъ добровольныхъ участниковъ, давая знать, что ссть люди, только лично за себя отвѣтствующие. Могло ли правительство такимъ учрежденіемъ предупреждать преступленія, видѣть въ немъ залогъ спокойствія?

Сообразимъ, какіе предполагаемые результаты должны вытекать изъ подобной организаціи этого учрежденія: всѣ люди съ хорошимъ поведеніемъ соединяются въ такія общества, напротивъ всѣ

^{*)} Мы ниже увидимъ ту соразмѣрность, съ которою опредѣлено количество виры сообразно случаямъ убійства.

люди съ дурной репутаціей отторгнутся отъ него, потому-что первые вѣроятно не примутъ къ себѣ въ товарищи людей подозрительныхъ, отъ которыхъ всегда можно ждать преступленій. Такимъ образомъ всѣ люди, за которыми бы нужно имѣть больше надзора, исключаются отъ всякаго надзора, люди же добрые, предположительно менѣе склонные къ нарушенію общаго мира, состоятъ подъ надзоромъ другъ друга. Все это сильно говоритъ противъ отвѣта, приведеннаго нами на вопросъ, какою необходимостію вызвано, съ какою цѣлью установлено учрежденіе обществъ, отвѣтствующихъ за преступленія ихъ членовъ: будто такое учрежденіе вышло изъ желанія законодателя предупредить преступленія и охранить общественный порядокъ. Поищемъ же другого разрѣшенія.

Руководясь мыслию, что большая часть явленій юридическихъ рождается бытомъ народа, представляется плодомъ различныхъ отношеній и взаимодѣйствій людей, среди которыхъ они являются, мы рассмотримъ, не есть ли происхожденіе обществъ, платящихъ виру, слѣдствіе этого всемірнаго закона? Для этого взглянемъ на древній бытъ народовъ восточно-славянскаго племени и приведемъ изъ него нѣкоторыя черты въ томъ пространствѣ, въ какомъ это нужно для настоящаго случая.

По свидѣтельству большей части современныхъ намъ изслѣдователей русской исторіи бытъ Славянъ *родовой*. Все огромное славянское племя дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, эти послѣднія слагаются изъ множества отдѣльныхъ родовъ, далѣе дѣленіе прекращается. Родъ слѣдовательно съ точки зрѣнія юридической является чѣмъ-то цѣлымъ. Именно онъ представляется совокупностью лицъ физическихъ, тѣсно связанныхъ между собою родствомъ кровнымъ, состоящихъ подъ неограниченною властію старшаго, владѣющихъ одною общею собственностію. Подобный составъ общества даетъ право предполагать существованіе въ немъ слѣдующихъ отношеній: каждый родъ въ отношеніи къ другимъ родамъ считаетъ себя самостоятельнымъ цѣлымъ; отношенія между родами опредѣляются тѣмъ, что дѣйствіе одного члена рода считается дѣйствіемъ цѣлаго рода и на-оборотъ. Здѣсь слава одного изъ членовъ отражается на цѣломъ родѣ, безславіе одного покрываетъ собою всѣхъ, обида, сдѣланная родичу, вызываетъ на мсть всѣхъ его ближнихъ.

Такой ходъ дѣлъ условливаетъ происхожденіе естественной необходимости отвѣтствовать всѣмъ членамъ рода за каждаго изъ нихъ. Съ теченіемъ времени родъ расширяется въ своемъ объемѣ, умножается числомъ членовъ и естественно думать, что тѣснѣйшая связь между единицами, его составляющими, теряется и вслѣдствіе

этого, не распадаясь внѣшно, онъ разлагается внутренно, какъ-бы на нѣсколько новыхъ родовъ — малыхъ. Но эти послѣдніе не могутъ существовать по слабости своей самостоятельно, не могутъ составить понятіе рода въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ древнее юридическое воззрѣніе, по-этому они продолжаютъ являть собою въ совокупности одно цѣлое, составляютъ всѣ вмѣстѣ одинъ родъ.

Независимо отъ сознанія единства происхожденія общество, такимъ образомъ составленное, побуждается къ безпрестанному между собою единенію еще съ другой стороны. Именно, окруженное отовсюду такими же обществами, оно должно постоянно приходить съ ними въ столкновенія, которыя носятъ иногда на себѣ характеръ враждебный. Является необходимость оградить себя отъ непріязненныхъ дѣйствій другихъ родовъ, оно безпрестанно вызывается спланивать силы для защиты общихъ интересовъ. И такъ всѣ отношенія, которыя мы видѣли происходящими отъ сознанія единства происхожденія, какъ связи внутренней, отъ необходимости общаго соединенія для защиты общихъ интересовъ, какъ связи внѣшней, рождаютъ внутри общества мысль о братскомъ вспомоствованіи другъ другу въ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Обществу, смотрящему на каждаго изъ членовъ, какъ на нѣчто родное, близкое, трудно отказаться отъ внушенія совѣсти помочь ему, выручить его изъ бѣды, тѣмъ болѣе, что и онъ въ свою очередь, можетъ быть, стоялъ и будетъ стоять за общіе интересы. Замѣтимъ при этомъ что замѣтили выше: общество, на такихъ условіяхъ составленное, надобно предполагать, не потеряло юридическаго значенія рода, продолжаетъ разсматриваться со стороны другихъ родовъ чѣмъ-то цѣлымъ, слѣдовательно идея ответственности такого общества за каждаго изъ членовъ продолжаетъ и здѣсь господствовать.

На основаніи всего сказаннаго мы предполагаемъ у древнихъ Славянъ существованіе нравственной обязанности общества отвѣчать за поведеніе членовъ, обязанности всѣхъ членовъ общества помогать другъ другу въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Остановимся же здѣсь и постараемся сообразить, какія явленія должны были имѣть мѣсто, при такомъ ходѣ дѣлъ, вслѣдствіе призванія князей, вслѣдствіе столкновенія элементовъ германскаго и славянскаго, изъ которыхъ одинъ является господствующимъ, а другой господству подлежащимъ.

Вѣроятно тотчасъ послѣ учрежденія въ землѣ славянской системы виръ князьямъ открылись случаи для ея примѣненія въ дѣйствительности. Какого же явленія мы должны теперь ожидать при соображеніи сказаннаго о бытѣ Славянъ? Съ преступника требуется штрафъ, онъ не въ силахъ его заплатить: естественно, должно предположить, что остальные родичи, прошикнутые нравственной обя-

занимостью стоять другъ за друга, привыкшіе зло, терпимое однимъ, считать зломъ общимъ, протягиваютъ ему руку помощи, уплачиваютъ за него виру. Такіе случаи повторяются разъ, другой, третій: князья не видятъ въ такомъ обыкновеніи ничего для себя новаго и страннаго.

Всѣ народы въ періодъ младенчества имѣютъ много сходнаго относительно ихъ юридической жизни: рѣзкихъ національныхъ различій въ ней еще не существуетъ. Эта неоспоримая историческая истина отражается и на родахъ племенъ германскаго и славянскаго. Идея взаимной защиты, взаимнаго вспоможенія является присутствующею и у племенъ германскихъ, проявляется почти въ тѣхъ же формахъ, какъ и у народовъ славянскихъ. Такъ на ней создаются германскія общества взаимныхъ защитниковъ: на-примѣръ у Англосаксовъ каждые 10-ть мужей подъ начальствомъ старѣйшины (Heafold, Ealdor) состоятъ между собою въ договорѣ, по которому они обязаны взаимно защищать себя отъ враговъ и помогать другъ другу въ платежѣ виры, опредѣленныхъ за преступленія. Такой союзъ 10-ти мужей называется Fgeoborg, Friborg; каждый членъ союза Fgeogan, Friman³).

Не находя въ обыкновеніи Славянъ оказывать помощь другъ другу ничего страннаго, при соображеніи со всѣми національными учреждениями, князья видятъ напротивъ въ немъ вѣрное средство оградить себя отъ убытковъ при несостоятельности преступника и видятъ отчасти фактъ, способствующій предупрежденію преступленій. Такимъ образомъ нѣтъ причины, которая бы понудила князей идти противъ этого обыкновенія: имъ оставалось только утвердить силу его своимъ признаніемъ.

Но между тѣмъ вслѣдствіе образованія изъ земель славянскихъ русскихъ княжествъ мы видимъ въ нашемъ отечествѣ возникновеніе всѣхъ тѣхъ явленій, которыя сопровождаютъ подобныя эпохи. Они остаются не безъ вліянія на самый бытъ народа, и русское взаимное поручительство, какъ плодъ этого быта, должно необходимо потерпѣть измѣненія. Реформа, въ немъ произведенная, вылилась въ Русской Правдѣ. Излагая состояніе родового быта Славянъ, мы говорили, что родъ въ смыслѣ юридическомъ распадался внутренне на отдѣльные роды; различные члены рода не могли жить постоянно между собою въ согласіи; ссоры и распри родичей отодвигали на время нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ исполненія нравственной обязанности защищать всѣхъ остальныхъ родичей, подавать имъ необходимую помощь; обычай братства слѣдовательно нарушался. Вышней силы, которая бы могла поддержать постоянное его соблюденіе, не было, а одной внутренней было недоста-

точно и так. образомъ существованіе его обусловливалось случайно-стію: согласно живетъ все общество, — оно все возобновляется на защиту члена; произошли распри, отстало нѣсколько семействъ и эти отпавшія уже не идутъ на защиту личностей, принадлежащихъ семьямъ, имъ враждебнымъ. И на-оборотъ.

Такимъ образомъ чиновникъ князя или даже самъ князь, взявъ виру за преступленія, въ однихъ случаяхъ видитъ, что она платится безъ всякаго затрудненія всѣмъ округомъ, въ другихъ же встрѣчаетъ лица, отказывающіяся отъ участія въ платежѣ ея, затрудняется въ ея полученіи. Нужна мѣра для искорененія этого неудобства.

Съ теченіемъ времени является еще новое обстоятельство, которое подрываетъ тѣсную связь родовъ и так. образ. служить еще новымъ препятствіемъ къ постоянному осуществленію идеи о взаимномъ вспоможеніи цѣлымъ родомъ. Обстоятельство это есть прямое слѣдствіе призванія Норманновъ.

Князья строятъ города, сажаютъ туда намѣстниковъ, снабжаютъ ихъ дружиною, окружаютъ дружиною сами себя, устанавливаютъ извѣстныя должности, чиновниковъ. Хотя, разумѣется, всѣ намѣстники, вирники, тиуны, дружинники первоначально никто иные, какъ Норманны, но доступъ къ должностямъ не заслоненъ и для туземцевъ. Такимъ образомъ мы видимъ теперь лица, которые, служа князьямъ, внѣшно совсѣмъ выдѣлены изъ родовъ. Мы говоримъ внѣшно, потому-что связь внутреннюю предполагать въ настоящемъ случаѣ совершенно разорванною довольно трудно.

Такія явленія возникаютъ преимущественно около городовъ, гдѣ чаще всего верховная власть входитъ въ соприкосновеніе съ подданными. Является теперь необходимость опредѣлить запутанныя отношенія при платежѣ виры между лицами, выдѣлившимися изъ рода, и самымъ родомъ.

И такъ затрудненія, возникающія при взиманіи виры съ перессорившихся родовъ, при взиманіи ея съ тѣхъ родовъ, гдѣ есть лица выдѣлившіяся, — заставляютъ князя изрѣчь такое слово: *«аже кто не вложится въ дикую виру, тому людѣ не помогаютъ, но самъ платитъ»*.

Теперь уже только тѣ изъ жителей верви (а жители верви, очень вѣроятно полагаютъ, принадлежали къ одному разросшемуся роду), только тѣ родичи имѣютъ право на помощь другихъ въ платежѣ виры за свое собственное преступленіе, которые официально договорились съ ними помогать другъ другу въ уплатѣ штрафовъ, опредѣленныхъ за преступленія, тѣ, которые официально поручились въ этомъ другъ другу.

Такимъ образомъ составились въ молодомъ государствѣ общества взаимныхъ поручителей. И общества эти основаніемъ своимъ одолжены идеямъ, рожденнымъ изъ быта славянскаго, а преобразованиемъ своимъ, характеромъ официальнымъ, полученіемъ смысла учрежденія чисто юридическаго одолжены мысли князей норманнскихъ.

Разсмотримъ дальнѣйшія условія этихъ обществъ.

Слова: *«ажсе кто не вложится въ дикую вирю»*, даютъ знать, что отвѣтственность общества распространяется только на одни случаи смертоубійства. Но кромѣ этого всѣ другія статьи Русской Правды, въ которыхъ вервь облагается платежемъ виры, относятся исключительно къ случаямъ смертоубійства: почему? это объяснить легко слѣдующимъ образомъ: всѣ преступленія, поименованныя въ Русской Правдѣ, можно раздѣлить на два рода соотвѣтственно воззрѣніямъ тогдашняго быта, — на преступленія позорныя и преступленія извинительныя, происходящія вслѣдствіе движенія различныхъ страстей, напримѣръ гнѣва, мести. Къ первымъ относятся разбой, зажигательство гумна, воровство и другіе противунравственные поступки. Мы видимъ это, читая статьи: 27, 28, 30, 32, 33, 34, 37 — 40, 43, 62 — 66, 68, 69, 71 — 78, 80, 106. II. спис. Русской Правды изд. Калачова. Ко вторымъ убійство подъ вліяніемъ охмѣленія, мести, нанесеніе увѣчья, ранъ, вызванное обидой или вообще дѣйствіемъ какой-либо извинительной страсти: статьи 18, 19, 20, 22, 24, 25, 60, 61, начальное содержаніе 36 и большая часть статей, въ которыхъ идетъ дѣло о платежѣ виры вервью.

Разсматривая преступленія извинительныя мы видимъ, что одинъ изъ нихъ обложенъ относительно огромнѣйшею вирою: такъ нѣкоторые случаи убійства въ 80, въ 40 гривенъ, другія же преступленія очень незначительною, напр. въ 5, 12, 3 грив. Теперь мы можемъ сказать, что древніе наши взаимные поручители обязываются помогать другъ другу только въ платежѣ вирь за такія преступленія, которыя происходятъ или случайно (убійство на пиру), или вслѣдствіе побужденій благородныхъ (месть за обиду, убійство въ ссорѣ, на чтѣ указываютъ слова: *«боудеть ли сталъ на разбой безъ всякоя свадьбы»*). Слѣдовательно было убійство со свадьою, которое обсуживалось уже другимъ образомъ, нежели первое.

Но общество не договаривается помогать разбойнику, вору, зажигателю: оно считаетъ это для себя презрительнымъ, оно хочетъ этимъ оградить себя отъ вступленія въ число его членовъ лицъ, которыя могутъ легко навлечь безславіе ему своими поступками. Но принимая на себя отвѣтственность по преступленіямъ

извинительнымъ, сопоручители дѣлають новое условіе: держать помощь только тогда, когда ихъ родичъ, ихъ товарищъ подверженъ такой пенѣ, которую онъ заплатить или совсѣмъ не можетъ, или платежъ которой приведетъ его въ раззореніе, напротивъ во всѣхъ другихъ случаяхъ для него нѣтъ большой необходимости прибѣгать къ сторонней помощи, нѣтъ причины беспокоить и стѣснять союзниковъ. Вира очень значительная является только въ случаяхъ смертоубійства, по-этому вервь (общество) платитъ только дикую виру. Но есть двѣ статьи въ Русской Правдѣ, содержащія въ себѣ опредѣленіе довольно значительной виры, въ платежѣ которой общество не участвуетъ: 20 гривенъ платится за убійство жены (сп. 2 ст. 21. Р. П. изд. Калачова) и 40 гривенъ (ст. 5 по сп. академич.), 20 гривенъ съ прибавленіемъ 10 грив. за вѣкъ (ст. 21. по сп. троичному и ст. 22 по сп. Карамзина), за одинъ родъ увѣчья.

Въ первомъ случаѣ это дѣлается, можетъ быть, потому, что убійство женщины считается дѣломъ предосудительнымъ, особенно если оно совершено какъ разбой, съ цѣлію извлечь изъ убійства матеріальную выгоду. Такой случай совершенно будетъ аналогиченъ съ случаемъ убійства *«въ разбой безъ всякой свады»*.

Но можно смотрѣть на эту статью еще съ другой точки зрѣнія, понимать ее такъ, какъ мы понимаемъ напр. статьи 9, 10, 11, 12, 13, 14 (спис. 2 изд. Калач.), гдѣ содержится опредѣленіе виръ за убійства, но не упоминается объ отвѣтственности общества, потому-что она слѣдуетъ здѣсь сама собою, явно предполагается и упоминаніе совершенно лишнее дѣло. Что же касается до второго случая, то здѣсь само собою открывается много соображеній, препятствующихъ поколебать нашъ взглядъ на учрежденіе дикой виры, какъ на общество людей, соединившихся между собою для взаимной помощи другъ другу въ платежѣ штрафовъ, опредѣленныхъ за убійства, извиняемыхъ возрѣніемъ древняго быта Славянъ. Самая единственность такого случая освобождаетъ насъ отъ обязанности высказывать такіа соображенія.

Установивъ главное правило, что общество взаимныхъ поручителей беретъ на себя отвѣтственность только по одному роду преступленій — *смертоубійству*, мы войдемъ теперь въ разсмотрѣніе всѣхъ частныхъ условій, сопровождавшихъ существованіе этого общества и вмѣстѣ съ этимъ покажемъ, что рука помощи подается здѣсь только преступнику, совершившему убійство извинительное.

Общество во первыхъ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за разбойника, не помогаетъ разбойнику: *«будетъ ли сталь на «разбой безъ всякой свады, то за разбойника люди не платятъ, «но выдадутъ (его) и всего съ жемою і съ дѣтми на потокъ и раз-*

«грабленіе». Мы знаемъ, что отмѣна за разбой виру и введеніе вмѣсто ея потока и разграбленія принадлежать св. Владиміру. Но отсюда мы не имѣемъ права заключить, что до Владиміра общество платило виру и за разбойника. Свидѣтельство лѣтописи о такомъ дѣйствіи перваго христіанскаго князя мы приводили въ доказательство того, что общество, платящее виру за преступленія своихъ членовъ, не есть учрежденіе князей, не есть учрежденіе для цѣлей полицейскихъ, для предупрежденія преступленій, напротивъ мы этимъ доказываемъ, что оно имѣетъ другое основаніе, именно что здѣсь выразилась идея взаимной защиты, братскаго вспоможенія. Странно же послѣ всего этого будетъ намъ думать, что люди, вступающіе добровольно въ такой союзъ, начали бы покровительствовать презрительному промыслу—разбойничеству, условились бы держать помощь человѣку, заглушившему въ себѣ всѣ нравственныя чувства! Если-бы разбой въ нашемъ отечествѣ представлялся въ другихъ формахъ, считался бы дѣйствіемъ похвальнымъ, какъ теперь у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, то дѣло принимало бы совсѣмъ другой оборотъ. Но въ нашемъ быту не смотрѣли на разбой съ такой точки зрѣнія.

Общество принимаетъ на себя количество отвѣтственности соразмѣрно съ большею или меньшею извинительностію преступленія, съ большею или меньшею случайностію его: если преступленіе совершенно случайно и можетъ быть рѣчь о совершенномъ невмѣнѣніи въ вину, то сопоручители платятъ почти всю виру: *«но аже «будеть оубилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему «платити по верви» (на ряду съ другими) іже ся прикладывають «вирую».* (Сп. 2 ст. 4 изд. Калач.). Здѣсь убійца платитъ столько же, сколько и каждый другой изъ товарищей⁴).

«Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую «вѣру; но сплати (платити по сп. 3) имъ вообщи 40 гривенъ, а го- «ловничество самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити и «съ дружины свою часть».

Мы видѣли, что за самое высшее преступленіе *«людіе не помогаютъ»*; за самое извинительное они платятъ почти всю виру; здѣсь же они отвѣтствуютъ половиною полной виру. Въ первомъ случаѣ преступленіе характеризуется словами: *«безо всякоя свады»*, во второмъ *«въ свадѣ явлено»*, въ третьемъ (и замѣтимъ еще особенно, что слова, излагающія опредѣленіе преступленія и количество виру пишутся нераздѣльно съ словами, излагающими другое преступленіе; см. сп. 2 и 3 изд. Калач.) говорится объ немъ неопредѣленно, не упоминается объ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ. Это даетъ

намъ право предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь о такомъ преступленіи, которое совершено *вслѣдствіе свады, но не въ самый миг свады*, совершенно притомъ *«невялено»*.

Если дать силу такому предположенію, то мы можемъ сказать, что преступникъ, совершившій убійство хотя и тайно, но *вслѣдствіе* нанесенной ему ранѣе обиды, *вслѣдствіе* побужденій мести, безъ всякаго желанія ограбить убитого, обсуживается гораздо строже убійцы въ *свадѣ* и на пиру. Однако общественное воззрѣніе смотритъ на его поступокъ снисходительно и отчасти признаетъ за нимъ право на совершеніе его.

Наконецъ вервники помогаютъ товарищу 9-ю кунами, въ случаѣ если онъ несправедливо оговоритъ кого-либо въ преступленіи смертоубійства. Почему мы говоримъ въ преступленіи *смертоубійства*—это не требуетъ большихъ объясненій, если упомянемъ, что ст. 16-ю списковъ 2-го и 3-го мы относимъ къ статьямъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о смертоубійствѣ, относимъ на основаніи занимаемаго ею мѣста въ обоихъ этихъ спискахъ и на основаніи уже выведеннаго положенія, что вервь помогаетъ своему члену платить виры за одно смертоубійство.

Въ слѣдующихъ случаяхъ видны проблески того воззрѣнія на такіе союзы родичей, котораго держались князья и вообще тогдашній бытъ: найдено въ предѣлахъ верви мертвое тѣло. И что же мы видимъ? не хозяинъ двора, не хозяинъ земли, на которой оно лежитъ, обязанъ платить виру, напротивъ цѣлое общество. Частное здѣсь исчезаетъ въ общемъ.

Естественно полагать, что это условіе уже не добровольное, что оно вошло въ содержаніе древней круговой поруки путемъ княжеской власти, выдающей въ наказаніи болѣе цѣль финансовую и потому опасующейся лишиться въ настоящемъ случаѣ дохода отъ неизвѣстности преступника. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ закономъ преслѣдовалась и другая цѣль — полицейская. *«Аже кто оубіетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищутъ: то виревную платити въ чьей же верви голова ляжитъ, то 80 гривенъ, накий людинъ, то 40 гривенъ»*. (Сп. 2 ст. 3 изд. Калач.).

«А по костехъ и по мертвеци не платитъ верви (по больш. части списковъ виры), аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его».

Эта статья является не инымъ чѣмъ, какъ дополненіемъ предъидущей, относится къ ней, какъ исключеніе къ общему правилу. Невозможность узнать, кому принадлежатъ найденныя кости: княжу ли мужу, огнищанину ли, смерду и т. д. и по-этому невозможность опредѣлить количество виры увольняютъ вервь отъ платежа ея.

Вотъ условія, на которыхъ учреждалось и которыми обставлялось общество взаимныхъ поручителей во времена Русской Правды.

Выводя его основаніе изъ устройства тогдашняго быта, мы отрицаемъ мнѣніе, что отвѣтственность общества за преступленія членовъ, состоящая въ платежѣ виръ, вытекаетъ изъ одной мысли князей о предупрежденіи преступленій. Но разумѣется, мы не можемъ не допустить, что, утвердивъ и преобразовавъ существованіе такихъ обществъ, князья начали смотрѣть на нихъ какъ на залогъ общественнаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что личный интересъ взаимныхъ поручителей естественно долженъ былъ побуждать къ надзору другъ за другомъ, къ старанію предупреждать преступленія и тѣмъ избавлять себя отъ виръ.
